

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.5936>

Дата подачи статьи: 17 мая 2020 г.

Дата принятия к печати: 20 сентября 2020 г.

К ВОПРОСУ О ПОЛЬСКИХ СЕЛЬСКИХ ОБЩИНАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1918–1939)

Виктор Акоюн

Пятигорский государственный университет, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4734-1905>e-mail: zaven2005@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается состояние польских общин в сельских населенных пунктах Северного Кавказа в период между двумя мировыми войнами. Автор отмечает, что в регионе по разным причинам не сформировались моноэтнические поселения поляков. Это было как следствием объективных причин (дисперсность расселения поляков, преобладание социальных групп и профессий, характерных для городской жизни), так и результатом сознательной политики царских, а после революции и гражданской войны советских властей, препятствовавших их созданию. Несмотря на малочисленность польского сельского населения, в быту селян в большей степени, чем у городских соотечественников, продолжительное время сохранялось следование обычаям, традициям, вере, использовался родной язык и преобладало национальное самосознание.

Ключевые слова: Северный Кавказ, церковные приходы, советская власть, польские сельские общины, сельские поселения, национальное самосознание, репрессии.

Submitted on May 17, 2020

Accepted on September 20, 2020

RURAL POLISH COMMUNITIES IN THE NORTH CAUCASUS INTER-WAR PERIOD (1918–1939)

Viktor Akopyan

Pyatigorsk State University, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4734-1905>

e-mail: zaven2005@yandex.ru

Abstract: This article examines the state of Polish communities in rural areas of the North Caucasus between the two world wars. The author notes that mono-ethnic settlements of Poles were not formed in the region for various reasons. This was the result of both objective reasons (dispersion of the Polish settlement, predominance of social groups and professions characteristic of urban life) and the result of the conscious policy of the tsarist (royal) and Soviet authorities (after the Civil War) which prevented their creation. Despite the small number of the Polish rural population, they had more customs, traditions, faith, language and national identity for a long time than their urban compatriots.

Keywords: North Caucasus, Church parishes, Soviet power, Polish rural communities, rural settlements, national identity, repression

В современной региональной полонистике абсолютно преобладает «городская тема» при изучении жизни польских общин и отдельных их представителей, проживавших в населенных пунктах Юга России, потому что в городах существовали относительно крупные католические церковные приходы. Между тем, в соответствии с данными Всесоюзной переписи населения СССР 1926 г., около 45% поляков Северо-Кавказского края (СКК) – административной единицы, объединявшей территорию Северного Кавказа и бывшей Донской области, проживали в сельской местности. Точнее, в СКК проживало 18 425 поляков, из них 12 588 горожан и 5837 сельских жителей. Еще 460 поляков перепись учла в Дагестанской АССР [*Всесоюзная перепись... 1928*, 52–56]. Эти данные, несомненно, далеко не полные и были получены после завершения массовой репатриации поляков в период

1918–1923 гг. Подавляющее большинство репатриантов являлись горожане, что и привело к повышению процента поляков – сельчан.

В числе репатриантов преобладали поляки, имевшие высокий уровень национального самосознания и составлявшие костяк общины: интеллигенция, служащие, предприниматели, священники. Поредевшие городские общины, оставшиеся без активных членов прихода, оказались еще в большей степени дисперсными. А это в условиях разрушения приходов и других объективных причин вело к более интенсивной ассимиляции. Тем более что с середины 30-х годов советская власть видела в искусственной ассимиляции этнодисперсных групп решение проблемы национальных меньшинств. Как следствие, многие поляки в период паспортизации записывались в русских, украинцев и белорусов.

Наибольшим иммунитетом к ассимиляции, как правило, обладали этнические группы, компактно проживавшие в сельских поселениях, где сама повседневность носила консервативный (т.е. устойчивый) характер. Однако на Северном Кавказе не было ни одного чисто польского селения. Исключения составляли лишь отдельные польские «анклавы» в сельской местности, которым посвящена данная статья.

В процессе освоения Северного Кавказа царское правительство поощряло колонизацию обширного южнороссийского региона, прежде всего, восточнославянским населением (русскими, украинцами), пассионарной частью которого выступало казачество – особая этносоциальная группа (в досоветский период – сословие). Однако для экономического освоения региона и укрепления российского геополитического присутствия на Кавказе их количества было недостаточно, поэтому поощрялось также переселение таких этнических групп, как армяне, понтийские греки, немцы и некоторые другие европейские этносы. В результате в северокавказском регионе появились сотни мононациональных населенных пунктов: армянских, немецких, греческих, эстонских, венгерских и других. Среди них, если не считать те редкие исключения, о которых пойдет речь ниже, не было мононациональных польских селений. Это объяснялось как объективными причинами (дисперсность расселения поляков, преобладание социальных групп и профессий, характерных для городской жизни и др.), так и в большей степени сознательным противодействием со стороны властей.

Отличие от западных областей Украины и Белоруссии, где компактно проживавшее коренное население польского происхождения в первые советские десятилетия имело возможность образовывать национальные сельсоветы и районы (имевшие статус низовой формы советской автономии),

на Юге России на образовании польских населенных пунктов было поставлено жесткое табу. Такой строгий запрет действовал с самого начала утверждения России на Северном Кавказе – тогда в крепостях и городах региона обосновались поляки – военнопленные наполеоновской армии, рекруты, политические ссыльные, осужденные за участие в польских восстаниях (1830–1831 и 1863–1864 гг.) и других революционных выступлениях, служащие, направленные на длительный период в регион и отдельные переселенцы [Акопян 2019].

В сельских населенных пунктах могли поселяться отдельные семьи или специалисты, но с тем расчетом, чтобы там не возникло компактное поселение, могущее затормозить ассимиляцию поляков. Особенно власти опасались возникновения в таких поселениях приходов Римско-католической церкви (РКЦ) – мощного бастиона веры, сохраняющего национальное самосознание поляков.

Несмотря на свой наднациональный характер, католическая церковь для поляков в конкретных исторических условиях и в иноконфессиональном окружении приобретала как раз таки национальный контекст.

Если для части немцев, чехов, армян-униатов и других адептов РКЦ, проживавших на Юге России, как и в других регионах страны, принадлежность к католицизму не являлась главным в этнической идентификации, то для поляков, наоборот, религиозная принадлежность являлась важнейшим маркером в их национальной идентичности. Для первых католические храмы представляли собой главным образом место для обращения к Богу и выполнения религиозных обрядов. Однако поляки, наряду с этим, видели в костелах эпицентр национальной общины, вокруг которого функционировали национальные образовательные, благотворительные, культурные, политические (в период гражданской войны) организации. Римско-католических патеров поляки рассматривали не просто как священников (по-польски – *ksiądz*), а руководителей общины. Причем нередко даже в полиэтнических католических приходах и в официальных документах российских (советских) властей, священников-патеров называли польским термином – *ксьєндз* или дублировали два слова: патер и ксендз.

О такой неразрывной связи национального и религиозного компонентов хорошо понимали и советские власти. Так, в резолюции Антирелигиозного совещания при Центральном комитете Всесоюзной коммунистической партии большевиков (ЦК ВКП(б), созванного в апреле 1926 г., требовалось от местных властей активнее «пропагандировать отличие нации и религии», разводя в сознании верующих понятия «поляк» и «католик» [РГАСПИ, Ф. 17.

Оп. 60. Д. 793. Л. 50]. Антирелигиозная комиссия 11 ноября 1925 г. поручила специальному органу государственной безопасности при Совете народных комиссаров СССР (ОГПУ) воспрепятствовать намерениям ксендзов «пойти по пути создания национальных католических организаций», что придало бы католической идеологии патриотическую окраску [РГАСПИ, Ф. 17. Оп. 112. Д. 775. Л. 39–40].

В поселенческой политике советская власть продолжила прежнюю линию, не допуская создания моноэтнических поселений поляков так же, как и образования национальных кварталов в городах (например, польский квартал во Владикавказе от ул. Московской до ул. Госпитальной с центром по ул. Евдокимовской) [Канукова, Айларова 2012]. Причина крылась в опасении, что польские «анклавы» могут стать «пятой колонной» «буржуазно-помещичьей» Польши – передового авангарда империализма. Не случайно бюро Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б) 3 декабря 1926 г. констатировало:

Отмечая наличие враждебного отношения на национальной почве со стороны некоторой части польского населения на Северном Кавказе по отношению к русскому населению, как реакция, все еще продолжающая существовать среди поляков к проводимой ранее царской политике, с одной стороны, и религиозных предрассудков – с другой, а также наличие религиозных учреждений, действующих под руководством из-за рубежа, и влияние их на польские массы, использование враждебными Советской власти элементами масс польского населения, советских и даже партийных учреждений, в целях шпионажа, считать необходимым работу среди польского населения усилить, как в части парализования деятельности враждебных нам организаций и лиц, так и для поднятия культурного уровня трудящихся поляков и приобщения их к социалистическому строительству [ГАНИСК, Ф. 6325. Оп. 1. Д. 2. Л. 46].

Приобщение национальных меньшинств, в частности поляков, к социалистическому строительству должно было выражаться в преодолении национального самосознания. Труднее всего это было осуществить при компактности проживания их, особенно в сельской местности. Вот почему власти сознательно препятствовали компактности проживания поляков не только в городе, но и в сельской местности. Но из этого правила были и свои исключения.

В Ставропольской губернии находилось два сельских поселения, имевших польские топонимы: хутор Польский и село Янушевское, основанное в 1877 г. и названное в честь ставропольского губернатора Б.М. Янушевича¹.

В семнадцати километрах от Ставропольской крепости поляками, сосланными за участие в восстании 1830–1831 гг., в 1834 г. рядом с рекой Темной (Темнушкой) был основан хутор Польский. До 16 марта 2020 года хутор входил в состав Татарского сельсовета Шпаковского района (ныне – муниципальный округ). Численность – 300 человек. В конце XIX века здесь поселилось десять семей: Дроздовские, Колосовские, Шаманские, Подгурские, Тофелевы, Сваричевские, Яворские, Тадеушевы, Болтэржак, Кулючинские. Новые поселенцы были выходцами из малороссийских губерний, пограничных с Польшей. Информацию о хуторе школьному учителю и краеведу В.Б. Ельниковой изложил потомок польских переселенцев Подгурский Борис Александрович (1928 г.р.). Он сообщал, что на купленной поляками земле были построены дома на одной улице. Поселенцы выращивали огородные культуры, сеяли пшеницу и кукурузу, занимались виноградарством и садоводством [Ельникова 2012].

Компактное проживание, хозяйственная самостоятельность небольшой польской общины позволяла в течение многих десятилетий сохранять традиционный уклад и национальное самосознание. Религиозные обряды в досоветский период проводили священнослужители Ставропольского костела. Отсутствие священника в советский период компенсировалось молитвами в одном из домов. И крестили детей обычные миряне. Так, по информации Б.А. Подгурского, его дочь крестила Яворская-Гадетская Олимпиада Альбиновна 1930 года рождения. Первые поколения поляков заключали однородные в национально-конфессиональном отношении браки. А на кладбище хутора могилы поляков располагались рядом друг с другом. С течением времени искусственная интернационализация общественной жизни привела к отъезду одних первопоселенцев и ассимиляции других. Сам Борис Подгурский сообщал, что, женившись на русской женщине, он принял православие [Ельникова 2012].

¹ Действительный статский советник Бронислав Мечиславович Янушевич (1861–1916) происходил из дворянской польской семьи Бессарабской губернии. Образование получил в Варшаве и в Санкт-Петербурге – в военной академии. После окончания Киевского университета (1885) исполнял разные судебные должности. Служил по дворянским выборам в Бессарабской губернии. В 1905 г. назначен тамбовским губернатором, а в следующем году назначен на ту же должность в Ставропольскую губернию, которую возглавлял до 1916 г. [Бунаяева 2008; *Ставропольские губернаторы...*].

В настоящее время существующий польский национальный топоним, – пожалуй, единственный на Юге России, – сам по себе является одним из факторов, сохраняющим историческую память у нынешних поляков региона.

На территории Северо-Западного Кавказа (Кубанская область и Черноморская губерния) поляки, вместе с другими этническими группами, приняли участие в основании селения Раздольного (район Сочи), кубанской станицы Темнолесской [Селицкий 2008, 6]. Кроме того, как отмечает историк В.С. Пукиш, польские семьи проживали в чешском селе Текос (Текопс), ныне входящем в состав Архипо-Осиповского сельского округа [Пукиш 2011, 103]. Однако еще до советизации региона в этих населенных пунктах поляки практически не значились.

В национальных районах Северного Кавказа жесткого запрета на землеустройство поляков не было. Поэтому большая часть польских сельских поселенцев приходилась на эти регионы. Еще царские власти, не допуская образования польских сел в русских районах Северного Кавказа (Дон, Кубань, Ставрополье, казачьи районы Терского левобережья), не чинили препятствия созданию польских поселений в национальных районах Северного Кавказа, особенно внутри мятежных горских регионов в период Кавказской войны (1817–1864). Наоборот, предполагалось, что польско-славянский этнический элемент позволит этнически «размешать» местные автохтонные этносы. Однако, испытав на себе все тяготы соседства с горцами, страдавшими от малоземелья, польские поселенцы вынуждены были, оставив все нажитое, искать другое пристанище в более безопасных районах Северного Кавказа.

На территории Северной Осетии, кроме Владикавказа, где имелась сплоченная польская община, поляки проживали в станице Архонской, расположенной в 12 км от Владикавказа. Здесь поселилась группа ссыльных поляков – участников восстания начала 1830-х гг. Со временем в станицу прибыли их семьи. Это была первая волна поляков, которые, приняв православие, растворились в казачьей среде. Вторая волна польских переселенцев прибыла в 1939 г. из территорий, присоединенных к СССР в соответствии с пактом Молотова-Риббентропа. Эта группа станичников в большей степени сохранила национальную идентичность, несмотря на то что католический приход во Владикавказе к этому времени был ликвидирован, а ксендз репрессирован. До сих пор в станице живут Гнилицкие, Закшевские, Золотовские, Носалевские, Чернуцкие, Шиманские и др. [Григорашвили-Бураковская 2007].

Больше всего поляков-сельчан проживало на территории Кабарды.

В конце XIX в. царское правительство разрешило 40 польским семьям родом из местечка Осиповице (*Osipowicze*) обосноваться на землях, принадлежавших ингушскому князю генералу Бонухо Базоркину, и образовать хутор. Накануне и в период Первой мировой и гражданской войн, опасаясь нападений со стороны малоземельных горцев, польские поселенцы, оставив все свое имущество, перебрались на станцию Муртазово Владикавказской железной дороги, а оттуда стали расселяться по близлежащим станциям, где и до этого проживали отдельные польские семьи [Горецкий 2015].

Данные о численности поляков-старожилов Нальчикского округа весьма противоречивы. Так, в «Ведомостях о племенном составе населения за 1894 г.» указывалось, что в слободе Нальчик проживало 98 поляков [ЦГА КБР, Р-6. Оп. 1. Ед. хр. 791. Л. 30–32]. По данным «Ведомостей о делении жителей Нальчикского округа Терской области по исповеданиям за 1901 г.» в слободе Нальчик числилось 15 мужчин и 6 женщин католического вероисповедания – все поляки [ЦГА КБР, И-6. Оп. 1. Ед. хр. 538. Л. 37–38].

В Нальчикский округ как раз и направились многие семьи из хутора Базоркина. Накануне революции польские семьи из последнего переселились в хутора Майский, Минский, Грабовец, которые в 1924 г. объединились в село Благовещенка (с 1963 г. оно называлось Первомайское), а также в близлежащие станицы Александровская, Георгиевская, Котляревская, Марьянская, Пришибская, Прохладная, Солдатская и другие. Здесь еще с XIX в., проживали отдельные польские семьи. Так, среди поляков Благовещенки числились потомки И.Д. Боровского, которые вместе с другими своими соотечественниками в 1880-х гг. создали Горловинское товарищество, объединявшее десять хозяйств [ЦГА КБР, Р-6. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 67; И-6. Оп. 1. Ед. хр. 727. Л. 35].

В этот район переселились поляки Минской губернии, хозяйства которых разорились в результате череды неурожайных годов. Горловинское товарищество образовало хутор Фальманов (по фамилии адъютанта ген. А.П. Ермолова). Такое название упоминается во многих воспоминаниях. В 1923 г. произошёл земельный спор между жителями хутора Грабовец и хутора Фальманов. Не желая обострять конфликт, поляки выразили готовность добровольно перенести свои хозяйства на новые участки, если они им будут выделены [ЦГА КБР, Р-6. Оп. 1. Ед. хр. 316. Л. 205–206]. В 1924 г. жителям Фальманова были отведены земли на берегу реки Баксаненок. Так как часть поляков были родом из Минской губернии, новый хутор получил назва-

ние Минский². Другая часть жителей нового хутора считала своей родиной город Краков, до восстановления в ноябре 1918 г. польской государственности в форме Польской Республики находившийся в составе Австро-Венгрии. На хуторе проживало 138 человек, объединенных в 32 домохозяйства. Повсеместно быстро распространилась весть о польском поселении, в котором говорили на родном языке, сохраняли национальные традиции и веру. И тогда из разных мест на хутор прибыло немало польских семей. Таким образом, к 1926 г. на х. Минском проживало уже 190 поляков [ЦГА КБР, Р-6. Оп. 1. Ед. хр. 316. Л. 234; Р-4. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 252].

Дома у хуторян были скромные, с камышовыми крышами. Самый лучший дом на хуторе стал своеобразным культурно-религиозным центром, так как построить специальное культовое сооружение советская власть не позволяла. В самой просторной комнате указанного дома собирались жители не только для того, чтобы провести культурные мероприятия с исполнением под скрипку национальных песен и танцев, но и совершить религиозные обряды в соответствии с католическими канонами. Здесь хуторяне отмечали все важные католические праздники. Периодически из Владикавказа (Орджоникидзе) приезжал католический священник, который служил мессу и совершал обряды [Горецкий 2015]. Для венчания, крещения и совершения других религиозных обрядов местные поляки отправлялись в костелы Владикавказа, Пятигорска и других городов. В населенных пунктах, где поляки проживали компактно, в общении друг с другом использовался родной язык. Приветствовались однородные в национальном и конфессиональном отношении браки.

Многие поляки – горожане часто «русифицировали» свои фамилии или брали «более удобную» фамилию супруги. Поляки х. Минский и соседних населенных пунктов стремились сохранять фамилии предков. Встречались у них такие фамилии, как Барановский, Боровский, Буцкий, Горавский, Горецкий, Дашкевич, Жаботинский, Рачковский, Марциновский, Миргородский, Сушинский, Хилинский и другие [Горецкий 2015].

Небольшая группа поляков также проживала в станице Прохладной (с 1937 г. – город) и в Нальчикской слободе, в 1921 г. получившей статус города и административного центра образованной в следующем году Кабардино-Балкарской АО. Как и в других местах, в период безверья храмом для

² По другим данным, хутор был основан в 1922 г. В 1924 г. этот хутор был включен в состав новообразованного Первомайского сельсовета. Ныне хутор Минский слился с другими населенными пунктами сельского поселения Благовещенка и фактически представляют собой одно поселение [Минский хутор 2019].

семьи становится жилой дом, а «священником» – старший член семьи, знавший Священное Писание, читавший Библию и следивший за исполнением религиозных обрядов и национальных обычаев домочадцами. Вера и соблюдение традиций на уровне семьи до поры до времени поддерживали национальное самосознание. Однако отсутствие национальной школы, католического прихода, дисперсность проживания, антирелигиозная пропаганда, искусственная интернационализация жизни, направленная на сознательное формирование «национального нигилизма» (в отношении своей этнодисперсной группы) – все это вело к ассимиляции и растворению польского этнического элемента в окружающей национальной среде. Искусственная интернационализация жизни проявлялась в первую очередь в стремлении не допустить мононациональность поселения и поощрении властями заселения хутора жителями других национальностей, что ограничивало сферу использования родного языка за пределами семьи и в целом «размывало» национальную общину.

Несмотря на то что хутор Минский был единственным селом на Северном Кавказе в советский период, где поляки проживали более-менее компактно, даже этот польский островок рассматривался в качестве «пятой колонны» Польши, – как уже говорилось выше, авангарда западного империализма. Вот почему с целью «выполнения плана» борьбы с т.н. «разведывательной, диверсионно-террористической и повстанческой деятельностью империалистической резидентуры» в рамках т.н. «Польской операции» НКВД (Приказ НКВД СССР № 00485 от 15 августа 1937 г.) только на х. Минском без суда и следствия, без предъявления какого-либо конкретного обвинения было арестовано 17 человек, преимущественно наиболее образованных людей, составлявших интеллектуальную элиту сельской польской общины. Сегодня известно, что из репрессированных в село вернулись только трое – измученных и тяжелобольных. Первый из репрессированных на хуторе появился в 1943 г., он был болен туберкулёзом. Судьба остальных осталась не раскрытой [Горецкий 2015].

Кульминацией «Польской операции» стало закрытие в 1939 г. всех оставшихся католических храмов на Юге России, сопровождавшееся репрессиями в отношении священников и активистов религиозных общин. Примером может служить судьба священника Антона Карловича Червинского (1881–1938), настоятеля владикавказского храма Вознесения Господня, в 30-е гг. обслуживавшего приходы Грозного, Моздока и Хасавюрта. 2 января 1936 г. он был арестован в Орджоникидзе. 15 декабря того же года состоялся суд, обвинивший А. Червинского, на основании статей 58–10

и 58–11 УК РСФСР, в создании и руководстве контрреволюционной, фашистской и националистической организацией и в контактах с агентами международных разведок. 2 ноября 1937 г. решением Военного трибунала СКВО Червинский был приговорен к расстрелу и полной конфискации имущества. Приговор был приведен в исполнение в январе 1938 г. Также арестованы и приговорены к различным срокам заключения органист храма Обухович (10 лет лагерей), сторож Чучейко и учительница польского языка Альбина Харбих [Боголюбов 2008, 211]. Такая же судьба постигла настоятеля и активистов пятигорского храма Преображения Господня. В числе расстрелянных были председатель пятигорского церковного совета Антоний Казимирович Гатовский (1868–1937/8) и органист храма Антоний Киприанович Добровольский [Акопян 2017].

Разгром городских приходов, арест местной интеллигенции ускорил расстройство польской общины. Родной язык вышел из обихода во взаимоотношениях между соотечественниками и даже членами семьи, еще более скрытый характер приобрела вера. Участились случаи смены фамилии, а при переписях населения – указания на свою национальность.

В настоящее время, несмотря на то что на всех информационных сайтах в числе жителей указанных населенных пунктов поляки не значатся, можно предположить, что они «скрываются» за пунктом «другие». Хотя в информации по конфессиям, например села Благовещенка, к которому примыкает хутор Минский, наряду с другими конфессиями называются и католики. По их инициативе в 2014 г. в селе был построен из камня и самана костел необычной архитектуры. Строительство храма было начато в 2009 г. В сообщении информационного агентства Кабардино-Балкарской Республики об этом храме сообщается, что в республике проживает, по меньшей мере, 150 католиков [*В Кабардино-Балкарии...*]. Это в основном жители села Благовещенка и г. Прохладного. Причем в Прохладном впервые на Юге России в послевоенные десятилетия, по инициативе вернувшихся в 1960-е гг. из Казахстана поляков, немцев и литовцев, оформился католический приход имени Святого Семейства. 27 апреля 1972 г. приход получил официальную регистрацию. На пожертвования общины прихожане приобрели дом для молитв. Так как постоянно действующего священника не было, для проведения религиозных обрядов примерно один раз в три месяца приезжали священники из Литвы. Первым служителем прихода имени Святого Семейства в первой половине 1990-х гг. стал ксендз Бронислав Чаплицкий [Горецкий 2015].

Стойкое национальное самосознание компактно проживавших поляков указанного региона позволило, несмотря на все испытания и значительное сокращение их численности, через несколько десятилетий вернуться к своим корням и вновь зажечь лучик веры.

Таким образом, компактное проживание поляков в сельских общинах обуславливало сравнительно длительное сохранение национальной идентичности. В то же время, какой бы потенциал жизнестойкости ни проявляли национальные общины при дисперсном проживании, в перспективе, рано или поздно (в национальных поселениях), они растворятся в общей массе населения страны пребывания. Сохранение и, самое главное, развитие национальной идентичности в полной мере возможны лишь на родной почве.

Данная статья является постановочной и преследует цель обратить более пристальное внимание исследователей на жизнь поляков, компактно проживавших в сельской местности Северного Кавказа, их повседневность, отношение к своей традиционной вере, восприятию своей этничности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ГАНИСК – Государственный архив новейшей истории Ставропольского края.
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.
ЦГА КБР – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики.
Акопян Виктор Завенович. 2017. *Ликвидация католических приходов на Юге России в период «Великого перелома»*. В: *Проблемы Российской цивилизации и методики преподавания истории*. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. IX. Саратов: Изд-во «Наука»: 50–59.
Акопян Виктор Завенович. 2019. *К истории создания польских национальных секций при властных структурах советской власти на Юге России*. «Acta Polono-Ruthenica» Т. XXIV/4: 155–173.
Боголюбов Александр Александрович. 2008. *Поляки на Северном Кавказе в XIX–XX вв.* Краснодар: Кубанский государственный университет.
Буняева Наталья. 2008. *Еще польска не сгинела!* «Вечерний Ставрополь». (online) <http://vechorka.ru/article/esche-polska-ne-sginela/> (доступ 17.05.2020).
В Кабардино-Балкарии завершают строительство костела из самана. (online) <http://kbrria.ru/obshchestvo/v-kabardino-balkarii-zavershayut-stroitelstvo-kostela-iz-samana-1673> (доступ 17.05.2020).
Всесоюзная перепись населения 1926 года. 1928. Т. 5. Москва: Изд-во ЦСУ СССР.
Горецкий Виталий Федорович. 2015. *Поляки Кабардино-Балкарии*. Нальчик: Филобиблон.
Григорашвили-Бураковская Марианна. 2005. *Поляки в Северной Осетии*. В: *Поляки в России: история и современность*. Краснодар: Кубанский государственный университет.
Ельникова Валентина Борисовна. 2012. *Польские переселенцы на Ставрополье*. (online) http://www.rusnauka.com/35_OINBG_2012/Istoria/4_122708.doc.htm (доступ 17.05.2020).
Канукова Залина Владимировна, Айларова Светлана Ахсарбековна. 2012. *Польская диаспора в Осетии: этнодиаспорная идентичность и ее конфессиональная составляющая*. «Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки» № 4: 48–51.

- Минский (хутор)*. (online) <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (доступ 19.05.2020).
- Польский (хутор)*. (online) <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (доступ 19.05.2020).
- Пукиш Владимир Степанович. 2011. *«Мы не такие католики, как поляки...»: к вопросу о религиозных представлениях чехов и поляков Северного Кавказа в конце XIX – начале XX вв.* В: *Мир славян Северного Кавказа*. Вып. 6. Краснодар: Научно-исследовательский центр традиционной культуры «Кубанский казачий хор».
- Селицкий Александр Игоревич. 2008. *Поляки на Кубани: исторические очерки*. Краснодар: Кубанский государственный университет.
- Ставропольские губернаторы: от Эммануэля до Янушевича*. (online) <https://zen.yandex.ru/media/stavgorod/stavropolskie-gubernatory-ot-emmanuelia-do-ianushevicha-5d7792842f-da8600ae042d63> (доступ 10.05.2020).

REFERENCES

- CGA KBR – Central’nyj gosudarstvennyj arhiv Kabardino-Balkarskoj Respubliki [Central State Archive of the Kabardin-Balkar Republic]. (In Russian)
- GANISK – Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Stavropol’skogo kraja [State Archive of the Contemporary History of Stavropol Kray]. (In Russian)
- RGASPI – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social’no-političeskoj istorii [Russian State Archive of Socio-Political History]. (In Russian)
- Akopyan Viktor Zavenovich. 2017. *Likvidacija katolicheskikh prihodov na Yuge Rossii v period “Velikogo pereloma”* [Liquidation of Catholic parishes in the South of Russia during the “Great turning point”]. In: *Problemy Rossijskoj civilizacii i metodiki prepodavaniya istorii* [Problems of Russian civilization and methods of teaching history]. Interuniversity collection of scientific papers. Vol. IX. Saratov, Nauka Publishing House, pp 50–59. (In Russian)
- Akopyan Viktor Zavenovich. 2019. *K istorii sozdaniya pol’skih nacional’nyh sekcij pri vlastnyh strukturah sovetskoj vlasti na Yuge Rossii* [On the history of the creation of Polish national sections under the Soviet power structures in the South of Russia]. “Acta Polono-Ruthenica” Vol. XXIV/4, pp. 155–173. (In Russian)
- Bogolyubov Aleksandr Aleksandrovich. 2008. *Polyaki na Severnom Kavkaze v XIX–XX vv.* [Poles in the North Caucasus in the XIX–XX centuries]. Krasnodar, Kubanskii gosudarstvennii universitet. (In Russian)
- Bunyaeva Natal’ya. *Esche Pol’ska ne sginela!* “Vechernij Stavropol” [“Evening Stavropol”]. Available at: <http://vechorka.ru/article/esche-polska-ne-sginela/> (Accessed 17 May 2020). (In Russian)
- El’nikova Valentina Borisovna. 2012. *Pol’skie pereselency na Stavropol’e* [Polish immigrants in Stavropol territory]. Available at: http://www.rusnauka.com/35_OINBG_2012/Istoria/4_122708.doc.htm (Accessed 17 May 2020). (In Russian)
- Goreckij Vitalij Fedorovich. 2015. *Polyaki Kabardino-Balkarii* [Poles of Kabardino-Balkaria]. Nalchik, Filobiblon. (In Russian)
- Grigorashvili-Burakovskaya Marianna. 2005. *Polyaki v Severnoj Osetii* [Poles in North Ossetia]. In: *Polyaki v Rossii: istoriya i sovremennost’* [Poles in Russia: history and modernity]. Krasnodar, Kubanskii gosudarstvennii universitet. (In Russian)
- Kanukova Zalina Vladimirovna, Ajlarova Svetlana Ahsarbekovna. 2012. *Pol’skaya diaspora v Osetii: etnodiaspornaya identičnost’ i ee konfessional’naya sostavlyayushchaya* [Polish Diaspora in Ossetia: ethno-disputed identity and its confessional component]. “Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta” [“Bulletin of the North Ossetian State University. Social science”] no 4, pp. 48–51. (In Russian)
- Minskij (hutor)* [Minsky (farmstead)]. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (Accessed 19 May 2020). (In Russian)

- Pol'skij (hutor)* [Polish (farmstead)]. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (Accessed 19 May 2020). (In Russian)
- Pukish Vladimir Stepanovich. 2011. “*My ne takie katoliki, kak polyaki...*”: *k voprosu o religioznyh predstavleniyah chekhov i polyakov Severnogo Kavkaza v konce XIX – nachale XX vv.* [“We are not such Catholics as the Poles...”: on the religious beliefs of the Czechs and Poles of the North Caucasus in the late XIX – early XX centuries]. In: *Mir slavyan Severnogo Kavkaza* [The world of the Slavs of the North Caucasus]. Vol. 6. Krasnodar, Nauchno-issledovatel'skii centr traditsionnoi kulturi “Kubanskii kazachii hor”. (In Russian)
- Selickij Aleksandr Igorevich. 2008. *Polyaki na Kubani: istoricheskie ocherki* [Poles in the Kuban: historical essays]. Krasnodar, Kubanskii gosudarstvennii universitet. (In Russian)
- Stavropol'skie gubernatory: ot Emmanuelya do Yanushevicha* [Stavropol governors: from Emmanuel to Yanushevich]. Available at: <https://zen.yandex.ru/media/stavgorod/stavropolskie-gubernatory-ot-emmanuelia-do-ianushevicha-5d7792842fda8600ae042d63> (Accessed 10 May 2020). (In Russian)
- V Kabardino-Balkarii zavershayut stroitel'stvo kostela iz samana* [In Kabardino-Balkaria, the construction of a Church made of Adobe is being completed]. Available at: <http://kbrria.ru/obshchestvo/v-kabardino-balkarii-zavershayut-stroitelstvo-kostela-iz-samana-1673> (Accessed 17 May 2020). (In Russian)
- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda* [All-Union population census of 1926]. 1928. Vol. V. Moscow, CSO of the USSR. (In Russian)